

Дмитрий Аверкиев

Вильям Шекспир. Статья I

Дмитрий Васильевич Аверкиев

Вильям Шекспир. Статья I

«Извѣстное сочиненіе Гервинуса „Шекспиръ“ переводится въ настоящее время на русскій языкъ г. Тимофеевымъ. Покуда вышелъ первый томъ.

Книга Гервинуса, безъ сомнѣнія, книга весьма почтенная и для нашей критики, которую нельзя обвинить въ глубокомъ знаніи и пониманіи Шекспира, даже весьма полезная. На безлюдьи и Оома дворянинъ.

Если бы мы желали пѣть въ унисонъ съ нашей многоученой литературой, то мы бы ограничились восторженными похвалами сочиненію Гервинуса, даже и ту общеизвѣстную истину, что Шекспиръ великій поэтъ, подтвердили бы цитатой изъ его почтенной книги, — къ несчастію, мы полагаемъ, что русская мысль имѣетъ право на самостоятельность и потому отнесемъ къ труду многоученого профессора критически...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

I. Г. Гервинусъ о Шекспирѣ	0005
II. Шекспировское торжество въ Петербургѣ	0058

**Дмитрий Васильевич
Аверкиев
Вильям Шекспир. Статья I**

*La crainte du génie est le
commencement du goût.
Victor Hugo.*

I. Г. Гервинусъ о Шекспиръ

*Нечего искать у нѣмцевъ правды.
Пѣсня о Любушиномъ Судѣ.*

Извѣстное сочиненіе Гервинуса «Шекспиръ» переводится въ настоящее время на русскій языкъ г. Тимофеевымъ. Покуда вышелъ первый томъ.

Книга Гервинуса, безъ сомнѣнія, книга весьма почтенная и для нашей критики, которую нельзя обвинить въ глубокомъ знаніи и пониманіи Шекспира, даже весьма полезная. На безлюдьи и Оома дворянинъ.

Если бы мы желали пѣть въ унисонъ съ нашей многоученой литературой, то мы бы ограничились восторженными похвалами сочиненію Гервинуса, даже и ту общеизвѣстную истину, что Шекспиръ великій поэтъ, подтвердили бы цитатой изъ его почтенной книги, — къ несчастію, мы полагаемъ, что русская мысль имѣетъ право на самостоятельность и потому отнесемъ къ труду многоученаго професора критически.

Для лучшаго опредѣленія значенія книги

Гервинуса постараемся отыскать исходную точку его разсуждений. Гервинусъ принадлежит къ числу нѣмцевъ недовольныхъ *туманной* германской философіей; къ числу нѣмцевъ толкующихъ о практической дѣятельности и по всѣмъ вѣроятіямъ онъ состоитъ членомъ безчисленныхъ National-Verein'овъ. Онъ осуждаетъ тѣхъ, кто смотритъ на Шекспира съ философской точки зрѣнія.

«По моему взгляду на вещи» – говоритъ онъ, "мнѣ кажется, что наша философская метода разсматриванія неумѣстна, неудобопримѣнима къ поэтическимъ произведеніямъ такого времени, коего собственная философія доискивалась истины любымъ путемъ, нежели наша, – неудобопримѣнима къ произведеніямъ поэта, обладавшаго трезво-здравымъ смысломъ (стало быть философія имъ не обладаетъ), поэта, которому *глазь* и *ухо* служили единственными (будто единственными?) лоцманами и рулевыми въ изученіи міра и жизни, поэта, который обладая въ высшей степени фило-

софскимъ глубокомыслеиъ, отстоялъ отъ философіи еще дальше, нежели Гете" (стр. 41).

Мысль, выраженная довольно кудреватю, — но въ сущности весьма скудная и ведущая къ разнообразнымъ курьезамъ. Смѣшно возвращаться назадъ, забыть успѣхъ челоѵческаго мышленія; странно въ XIX вѣкѣ требовать, чтобы смотрѣли на искусство глазами Бэкона. А въ сущности вѣдь именно этого и желаетъ въ данномъ случаѣ Гервинусъ.

Быть строгимъ послѣдователемъ бэконоѵ системы философіи въ наше время, значитъ быть воплощеннымъ анахронизмомъ; просто дѣло невозможное. И Гервинусъ, конечно, не могъ совладать съ нимъ вполне; онъ ограничился проведеніемъ паралели между Бэкономъ и Шекспиромъ.

Однако, успѣшно ли онъ выполнилъ хоть это? Отчасти да; въ общемъ нѣтъ. Онъ указалъ сродство Шекспира съ Бэкономъ (въ IV томѣ), особенно по отношенію обоихъ къ древности; указалъ на ихъ сродство съ римскимъ духомъ, это сродство съ большею точностію и остроуміемъ проведено Куно-Фи-

перомъ въ его сочиненіи о Бэконѣ. Но дѣло въ томъ, что Куно-Фишеръ не остановился на этомъ и въ первомъ томѣ своей исторіи "Новой Философіи" провелъ геніальную паралель между міровоззрѣніями Шекспира и Спинозы (см. стр. 250–255 русскаго перевода).

Вотъ что говоритъ Куно-Фишеръ о сродствѣ Шекспира и Бэкона[1].

«Поэтъ и историкъ», думаетъ Бэконъ, даютъ намъ изображенія характеровъ; этикъ долженъ брать не эти изображенія, но только ихъ очерки (Umrisse): простыя черты, опредѣляющія человѣческой характеръ. Какъ физика должна разсѣкать тѣла, чтобы открывать ихъ скрытыя свойства и части, — такъ этика должна проникать въ различныя настроенія души и открывать ихъ тайныя расположенія и основы. Бэконъ хочетъ, чтобы этика обнимала не только внутреннія основы, но также и внѣшнія условія, отпечатываемыя человѣческими характерами; всѣ тѣ *особенности*, которыя сообщаются душѣ поломъ, возрастомъ, родиной, тѣлосложеніемъ, образованіемъ, счастливыми обстоятельствомъ-

ми и т. д." Словомъ, онъ хочетъ, чтобы чело­вѣка разсматривали въ его индивидуальности: какъ произведе­нiе природы и исторiи, совершенно опредѣляемое естественными и историческими влiянiями, внутренними основами и внѣшними дѣйствiями. Точно также понималъ чело­вѣка и его судьбу Шекспиръ: онъ смотрѣлъ на характеръ какъ на произведе­нiе извѣстной натуры и извѣстнаго историческаго положенiя, и на судьбу, какъ на произведе­нiе извѣстнаго характера. Какъ интересовали Бэкона подобныя изображенiя характеровъ доказываетъ то, что онъ самъ пытался дѣлать ихъ. Рѣзкими чертами нарисовалъ онъ характеръ Юлiя Цезаря, и сдѣлалъ бѣглый очеркъ характера Августа (Imago civilis Iulii Caesaris Im. civ. Aug. Caes). Оба изображены имъ въ томъ же духѣ, какъ и Шекспиромъ. Онъ видѣлъ въ Цезарѣ соединенiе всего, по благородству и величiю, по образованiю и побужденiю, что произвелъ римскiй духъ; онъ разсматривалъ этотъ характеръ, какъ величайшiй и страшнѣйшiй, какой только могъ быть въ римскомъ мiрѣ. И что служитъ всегда при анализѣ характера

повѣркой вычисленію, — Бэконъ объяснилъ характеръ Цезаря такъ, что вмѣстѣ объясняетъ его судьбу. Онъ видѣлъ, какъ Шекспиръ, что у Цезаря было тяготѣніе къ монархическому чувству собственнаго достоинства, которое царило надъ его великими способностями, равно какъ и надъ ихъ уклоненіями; черезъ что онъ дѣлался опаснымъ республикѣ и слѣпымъ относительно своихъ враговъ. «Онъ хотѣлъ быть», говоритъ Бэконъ, «не великимъ между великими, но повелителемъ между послушными». Его собственное величіе до того ослѣпляло его, что онъ не зналъ болѣе опасности. Это тотъ же Цезарь, котораго Шекспиръ заставляетъ говорить:

*Извѣстно
Опасности, что онъ (Цезарь) ея
опаснѣй.
Мы съ ней два льва: въ одинъ родились
день.
Но только я и старше, и грознѣе
[2].*

Когда наконецъ Бэконъ видитъ судьбу Цезаря въ томъ, что онъ прощаль своихъ враговъ для того, чтобы этимъ великодушіемъ

обезсилить ихъ число, — то рисуеть намъ также челоуѣка, который возвышаетъ выраженіе своего величія на счетъ своей безопасности.

Очень характеристично, что Бэконъ между челоуѣческими страстями на первомъ планѣ ставитъ *честолюбіе*, а *властолюбіе* и *любовь* причисляетъ къ нисшимъ. Она ему столь же чужда, какъ и лирическая поэзія. Но въ одномъ случаѣ придавалъ онъ ей трагическое значеніе. И именно на этомъ случаѣ основалъ Шекспиръ свою трагедію. «Великія души и великія предпріятія», думаетъ Бэконъ, "не совмѣстны съ этой нисшей страстью, которая является въ челоуѣческой жизни то какъ *сирена*, то какъ *фурія*. Однако, прибавляетъ онъ, «*Маркъ Антоній представляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе*». И дѣйствительно, о Клеопатрѣ, какъ ея изобразилъ Шекспиръ, можно положительно сказать, что она, по отношенію къ Антонію, была одновременно и сиреной, и фуріей".

Но съ этой ли точки зрѣнія смотритъ Гервинусъ на Шекспира. Вѣренъ ли онъ бэконов-

скому воззрѣнію на поэзію?

Отвѣтъ будетъ болѣе, чѣмъ на половину, отрицательный. Гервинусъ прибавляетъ много своего, чисто нѣмецкаго и притомъ филистерски-нѣмецкаго; это не строгое, вѣрное себѣ и богатое результатами воззрѣніе Бэкона, а часто воззрѣніе самаго обыденнаго моралиста. Смѣшно, конечно, говорить о безнравственности Шекспира, — но едва ли не комичнѣе отыскиваніе въ Шекспирѣ узкихъ мѣщанскихъ понятій о нравственности.

Видѣть въ смерти Дездемоны воздаяніе за то, что она вышла за мавра противъ воли родителей — мысль пошлая и съ христіанской точки въ высшей степени безнравственная (сего ради оставить человѣкъ отца своего и мать свою), — а къ ней именно приводитъ Гервинуса желаніе опровергнуть тѣхъ, которые полагаютъ, "что духовная высота неразлучна съ вольнодумствомъ и свободными нравами".

Удивительно! Шекспиръ проповѣдующій мѣщанскую мораль! Такое практическое отношеніе къ Шекспиру, по истинѣ, изумительно.

«Что за человекъ былъ бы Шекспиръ, — говоритъ Куно Фишеръ, — если бы онъ на примѣръ дѣйствительно создалъ въ Ромео и Юліи трагедію любви, для того, чтобы показать, какъ гибельна можетъ быть эта страсть, когда она переходитъ надлѣжащую мѣру, и что поэтому должно беречься въ подобномъ случаѣ вести дѣло дальше, чѣмъ слѣдуетъ? Если бы такъ, то онъ съ фантазіею величайшаго поэта соединялъ бы умъ обыкновеннаго (обыденнаго, дюжиннаго) нравоучителя, а подобное соединеніе не могло быть возможнымъ. Дѣлать шекспировскихъ героевъ отвѣтственными за ихъ страсти было бы дѣйствительно столь же умно, какъ еслибы кто вздумалъ сказать облакамъ: у васъ не должно быть такъ много электричества, чтобы вы не бросали такихъ большихъ электрическихъ искръ, такихъ губительныхъ ударовъ; потому что вѣдь вы же видите, что своею молніею вы легко зажигаете наши дома; поэтому и держитесь въ надлежащихъ границахъ (И. Н. Ф. Т. I, 252)».

Этими именно словами можно отвѣчать Гервинусу на его излишнюю заботливость о нравственности; заботливость, доходящую до того, что онъ не безъ паѳоса восклицаетъ: "какъ много лишняго щекотанья чувственности [3] устранялось (въ шекспировское время) и отъ зрителей, и отъ актеровъ только тѣмъ обстоятельствомъ, что на сценѣ не было женщинъ. Какъ облѣгчало это для зрителей и для актеровъ заботу о сущности искусства" (стр. 163).

Послѣ этого такъ и ждешь, что г. Гервинусъ станетъ сожалѣть, что женскія роли въ операхъ исполняютъ женщины, а не кастраты, какъ это бывало въ доброе старое время.

Это подкладываніе нравственныхъ сентенцій подъ шекспировскіе характеры, это непониманіе жизни, вселюбящей и порою иронической, это умышленное тяготѣніе къ выводу нравоученій, — безъ сомнѣнія сильно препятствуетъ Гервинусу взглянуть Шекспиру прямо въ глаза, спутываетъ его понятія и доводитъ его иногда до скопческаго міровоззрѣнія.

И это бэконовская философія? И это

требованіе Бэкона, чтобы люди и ихъ страсти изображались живьемъ, "em ad ivum"?[4].

У Гервинуса есть этотъ "страхъ генія", la crainte du génie, который по Гюго составляетъ начало вкуса. Пародируя Фейербаха, мы прибавимъ: "но не конецъ его".

Въ самомъ дѣлѣ, во всей книгѣ многоучнаго професора замѣчается, что уваженіе къ Шекспиру не родилось въ груди автора, что это не живое, органическое чувство, а прошлое, завѣщанное преданіемъ. Гервинусъ *зналъ* напередъ, что Шекспиръ великій поэтъ; онъ на слово повѣрилъ этому, онъ *не почувалъ* этого и не увѣровалъ въ Шекспира. Въ немъ мало любви къ поэту, на изученіе котораго онъ посвятилъ много лѣтъ и «изъясняя котораго, извлекалъ для себя благороднѣйшія наслажденія». Оттого этотъ сдержанный, и даже сухой тонъ; это подѣ-часъ утомительное изложеніе. Онъ не любитъ Шекспира душой, всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ; онъ хладнокровно изучаетъ его, какъ нѣчто весьма интересное, «etwas höchst interessantes». Въ его книгѣ много дѣльнаго краснорѣчія, много прекрасныхъ замѣчаній, и ни одного племен-

наго, задушевнаго слова.

Ищите морали въ Шекспирѣ и вы, какъ нѣкій (впрочемъ, очень талантливый) русскій поэтъ, придете къ заключенію, что Шекспиръ въ лицѣ Ричарда III казнилъ тиранство, и въ порывѣ обличенія воскликните: "Яго живъ, да будетъ намъ чуждо коварство", или что нибудь въ этомъ родѣ.

У Гервинуса нѣтъ живаго образа Шекспира; и потому странно объясняетъ онъ отношенія Шекспира къ его предшественникамъ, его такъ называемыя "заимствованія". Умъ въ высшей степени оригинальный, Шекспиръ не могъ ни у кого заимствовать въ обыденномъ значеніи этого слова. Иногда Гервинусъ возвышаетъ Шекспира до небесъ, говоритъ, что онъ былъ "выше своего народа и времени"; иногда онъ унижаетъ дотога, что увѣряетъ, что "остроумный тонъ разговора, комическіе доводы, страсть къ уподобленіямъ, къ изумляющимъ отвѣтамъ (у Шекспира) – все это имѣетъ свой первообразъ у Лили", и у него *заимствовано* Шекспиromъ, что вторая и третья часть драматической хроники о Генрихѣ VI есть просто

передѣлка хроникъ Грина: "первой части столкновенія между двумя славными домами, «Йоркскимъ и Ланкастерскимъ» и «истинной трагедіи о Ричардѣ, герцогѣ йоркскомъ», того самаго Грина, который называлъ его, Шекспира – Shakescene (потрясателемъ сцены; если писать Shakespeare, то это будетъ значить – потрясающій копьемъ), «вороной, украшенной нашими перьями» и «тигровымъ сердцемъ въ актерской шкурѣ».

Кто выше своего народа? Кто выше своего времени? Не пустыя ли это цвѣты краснорѣчія? "Время на все, что совершается въ немъ", сказалъ Шекспиръ. Носитель и выразитель народныхъ думъ, "каждый вершокъ" котораго англичанинъ (each inch an Englishman), Шекспиръ не требуетъ себѣ такой похвалы, что онъ выше своего народа. Ему довольно сознанія, что онъ высшій выразитель духа своего народа. "Многообразна жизнь человѣка въ народѣ: – говоритъ Хомяковъ (I, 537) – она своею долею общечеловѣческаго достоянія, ею схваченную и выраженную въ словѣ и бытѣ, складываетъ въ стройное, живое и сочлененное цѣлое;

и человекъ, принимая въ себя всю эту жизнь, кладетъ стройную и сочлененную основу своему собственному пониманію. И далѣе: "Ни одинъ изъ живыхъ народовъ не высказался вполнѣ. Его печатное слово, его пройденная исторія выражаютъ только часть его существа, онѣ, если позволите такое слово, не адекватны (не въ версту) ему. Невысказанное, невыраженное таится въ глубинѣ его существа и доступно только ему самому и лицамъ, вполнѣ живущимъ его жизнію". Такимъ именно человекомъ, "вполнѣ живущимъ жизнію своего народа" и былъ Шекспиръ.

Чтобы понять всю силу народнаго духа англичанъ, всю его напряженность въ шекспировскую эпоху, стоитъ вспомнить блестящій рядъ его знаменитыхъ современниковъ. Бэконъ и Шекспиръ являются въ одно время; оба – великіе представители своей народности, въ обоихъ отразился духъ народа съ двухъ разныхъ сторонъ. И этотъ великій организмъ, народъ, ниже своихъ представителей!

Такія мнѣнія могутъ произносить только нѣмецкіе демократы! Гейне какъ то нечаянно

проговорился, что хотя онъ очень любить нѣмецкій народъ, но при встрѣчѣ съ гамбургскимъ сапожникомъ, защищавшимъ его мнѣнія, его порядочно покоробило. Я дескать хоть и демократъ, а все бы лучше, если бы у него руки были почище. Квази-аристократическая гадливость мѣшаетъ прямо смотрѣть на народъ. Наши разноцвѣтные и разношерстные либералы въ этомъ отношеніи послѣдовательнѣе: они умышленно забываютъ (игнорируютъ) о существованіи народа; они занимаются нивелированіемъ человѣческаго ума, или выражаясь современнѣе, выдѣлкою человѣческаго cerebina по извѣстному образцу, еще не патентованному, но на который (успокойтесь)! будетъ въ скорости выдана привилегія.

Теперь обратимся къ вопросу о "заимствованіяхъ". Повидимому, Гервинусъ совершенно правъ въ своихъ сужденіяхъ объ этомъ обстоятельстве. Комическій тонъ Лили напоминаетъ Шекспира? Да, Гринъ раньше Шекспира написалъ свои хроники? Раньше. Сценарій ихъ тотъ же, что во 2-й 3-й части трагедіи о Генрихѣ VI? Безспорно. Ну – что-же

ну? Механически-поверхностный умъ придетъ именно къ тому заключенію, что Шекспиръ заимствовалъ у Лили и Грина. Озлобленный на искусство "модныхъ бредней дурачокъ" *абличитъ* Шекспира въ литературномъ воровствѣ.

И вотъ Гервинусъ незамѣтнымъ образомъ оправдываетъ Грина, который своими площадными ругательствами доказалъ, какъ мало могъ у него заимствовать Шекспиръ.

Кажется, что Гервинусъ правъ, что онъ говоритъ дѣло, — *exeptê que c'est tout-à-fait le contraire*, какъ говорилъ одинъ французскій капраль, объясняя новобранцу, чѣмъ поворотъ направо-кругомъ отличается отъ поворота налѣво-кругомъ.

Въ чемъ же дѣло? "Художество", по справедливому замѣчанію Хомякова, "не есть произведеніе единичнаго духа, но произведеніе духа народнаго въ одномъ какомъ нибудь лицѣ." Природа не бѣдна; она никогда не скряжничаетъ; даже скорѣй расточительна. И какъ ей не быть расточительной, когда она обладаетъ неисчерпаемыми, вѣковѣчными богатствами? Она высылаетъ

въ міръ предтечь, провозвѣстниковъ великихъ людей, которые приуготовляютъ ему пути. За нимъ она высылаетъ апостоловъ, проповѣдниковъ того слова, которое опредѣлено было сказать великому человѣку. Мы помнимъ имена провозвѣстниковъ Шекспира, и этого веселаго Лили, и этого титаническаго Марлò, и даже этого завистливаго Грина, но помнили бы мы ихъ, еслибъ вслѣдъ за ними не явился Шекспиръ, которому они приуготовили пути? Спасибо имъ всѣмъ, даже авторамъ піесы "Феррексъ и Поррексъ", который ввелъ въ трагедію такъ называемый англичанами "германскій" размѣръ, не совсѣмъ точно именуемый Гервинусомъ пятистопнымъ ямбомъ!

Но все что являлось въ предшественникахъ Шекспира раздѣльно, выражая отдѣльныя черты народнаго духа, это *нѣчто шекспировское*, — все это совмѣстилось въ немъ сильно, цѣльно органически-стройно. И этотъ колось могъ заимствовать что нибудь у кого нибудь?

Все великое, и только великое, оригинально. Веселость Лили развѣ это въ сущности

дѣйствительно шекспировская черта? Нѣтъ, этой чертой нельзя характеризовать великаго поэта; эта черта есть въ немъ, но въ соединеніи со множествомъ другихъ, и въ этомъ видѣ она совершенно не похожа на веселость Лили; свѣтъ и тамъ и здѣсь, но тамъ свѣтлякъ, а здѣсь солнце. И что общаго между ними?

Или этотъ титаническій Марло, выводящій на сцену Тамерлана, идущаго по трупамъ народовъ, жестокаго и сверхчеловѣчески-мстительнаго "Мальтійскаго Жида", – этотъ громадный, но нестройный гигантъ (есть въ немъ что-то допотопное, что-то напоминающее ихтиозавровъ и тому подобныхъ чудовищъ) – развѣ у него заимствовалъ, какъ полагаетъ Гервинусъ, Шекспиръ свой паѳосъ?

Или... но много можно подобрать подобныхъ примѣровъ, и на всѣ одинъ отвѣтъ: не правда.

Что это за мозаичный, рецепный Шекспиръ выйдетъ! Возьми веселость Лили, прибавь паѳоса Марло, любовь къ исторіи Грина, подсыпь еще кой чего, смѣшай все хорошень-

ко и выйдетъ Шекспирь.

И это человекъ, посланный – по слову Карляйля – повѣдать міру, какъ жилъ и дѣйствовалъ человекъ въ средніе вѣка!

О, туманная нѣмецкая философія, которой такъ боится филистерство Гервинуса, никогда не приведетъ къ подобнымъ нелѣпостямъ! А ихъ говоритъ человекъ безспорно умный (но не глубокой) одинъ изъ представителей современной германской литературы. О Германія! какъ скоро ты позабыла своего великаго Шеллинга! Какъ мало многіе твои современные представители конгеніальны съ его живымъ, органическимъ умомъ!

Разсмотримъ теперь подробно насколько заимствовалъ Шекспирь своего Генриха VI у Грина.

Г. Гервинусъ сильно порицаетъ Тика за то, что онъ "утверждаетъ, что ни одна изъ самыхъ лучшихъ и возвышеннѣйшихъ пьесъ Шекспира не можетъ сравниться съ его историческою трагедіею Генрихъ VI относительно плана. Когда Ульрици – продолжаетъ Гервинусъ – называлъ композицію этой пьесы чисто шекспировскою, то очевидно, что оба кри-

тика не отдѣляли при этомъ формы отъ содержанія и не сравнивали хроникъ, изъ которыхъ эти драмы заимствованы, съ ихъ поэтической обработкою".

То, что дальше говоритъ Гервинусъ объ отношеніи Шекспира къ хроникѣ Голиншеда, ясно показываетъ, на сколько ему чуждо пониманіе исторической трагедіи. Этотъ родъ произведеній не могъ развиваться на нѣмецкой почвѣ, не могъ явиться у народа разбитаго на маленькія кучки, не сознающаго своей національности, ибо трудно предположить это сознаніе въ странѣ, гдѣ въ такомъ ходу чисто "баварскія" чувства, истинно "прусскій патріотизмъ" и тому подобныя диковинки; у народа, толкующаго весьма краснорѣчиво о своемъ единствѣ, которое давнымъ давно засѣло какъ ракъ на мели.

Великій Шиллеръ служитъ яснымъ доказательствомъ этого; его Валенштейнъ слабъ, какъ драма, и особенно какъ историческая драма. Для того, чтобы ввести читателя въ изображаемую имъ эпоху, Шиллеръ написалъ знаменитый прологъ "Валенштейновъ Лагерь", — но эта картина солдатской жизни

стоитъ отдѣльно, не связана органически съ двумя послѣдующими частями трагедіи. За тѣмъ, въ самой трагедіи любовь Макса Пиколомини къ Теклѣ занимаетъ почти столь же важное мѣсто, какъ и самъ Валенштейнъ, тогда когда она должна бы подчиняться главному дѣйствию.

Г. Гервинусъ находитъ, что "нечего слишкомъ много говорить о планѣ и ходѣ той пьесы, которая за немногими исключеніями и погрѣшностями, совершенно просто слѣдуетъ ходу хроники, какъ бы снимая одинъ за другимъ отдѣльные слои сюжета". Но какъ же могло иначе быть? Именно такъ и долженъ поступать поэтъ, пишущій историческую трагедію; притомъ понимать подъ планомъ пьесы только чередованіе сценъ, — значитъ, считать планъ не органически связаннымъ съ самой сущностью пьесы дѣломъ, а единственно механическими перегородками, ящичками, въ которые поэтъ укладываетъ извѣстные діалоги дѣйствующихъ лицъ. При такомъ пониманіи, вообще нельзя восхищаться ни однимъ планомъ. Мы понимаемъ планъ, какъ понималъ его Пушкинъ, говоря

"одинъ планъ Божественной Комедіи – безсмертенъ"; это пониманіе плана, какъ органически-связаннаго съ драмой, – есть высшее пониманіе, и намъ стыдно понимать его какъ нибудь мельче, ниже. Въ томъ-то и дѣло, что у Шекспира чередованіе сценъ не случайное, а живое, и поэту нужно воссоздать историческое лицо въ различные моменты его жизни. Въ лѣтописи, въ хроникѣ, рѣдко характеръ рисуется вполнѣ, живьемъ; важно то, чтобы хроника была правдива. Поэтъ долженъ по этимъ драгоцѣннымъ намекамъ, какъ палеонтологъ по костямъ и черепкамъ, создать живое лицо. Такой то поступокъ кажется не естественнымъ, кажется непринадлежащимъ этому историческому лицу, повидимому противорѣчитъ всѣмъ его другимъ поступкамъ, – и огромной проницательностію долженъ въ подобномъ случаѣ обладать поэтъ. Если онъ прямо заподозритъ данный фактъ въ невѣрности, – то можетъ жестоко ошибиться, лишитъ историческое лицо характерной черты. Уяснить эти противоположности, по отдѣльнымъ чертамъ угадать типъ – вотъ задача.

Далѣе, поэтъ долженъ угадать судьбу изображаемой имъ эпохи. Такъ, судьба Донъ Карлоса напр. ясно подчинена волѣ Филиппа: этотъ послѣдній есть человѣкъ – носитель не только своей собственной судьбы, но судьбы всего своего времени. Что передъ нимъ слабовольный Карлосъ! На личности сего послѣдняго не могла быть основана драма, да у Шекспира онъ вышелъ слабъ и блѣденъ, и безъ сомнѣнія самое живое, самое типическое и полное лицо во всей трагедіи Филиппъ. Художественная ошибка Шиллера ясна для каждаго, хотя немного одареннаго художественнымъ чутьемъ. Личность самага маркиза Позы много бы выиграла отъ прямого сопоставленія съ личностію Филиппа; конечно, любовь Донъ Карлоса къ мачихѣ отошла бы на второй планъ, за то вся трагедія выиграла бы въ цѣльности и стройности, и благородному Позѣ не пришлось бы играть не совсѣмъ благовидную роль по сближенію Донъ Карлоса съ Изабеллой[5].

Такой ошибки нѣтъ у Шекспира, а такова именно ошибка автора (будь онъ Гринъ, или кто другой) "истинной трагедіи о Ричардѣ,

герцога іоркскомъ", — ошибка видная изъ самаго названія піесы. У Шекспира, напротивъ, трагедія построена на Генрихѣ VI; у него онъ именно и есть человѣкъ-носитель своей собственной судьбы и судьбы своего времени. Для читателя ясно, что именно при такомъ королѣ могли сложиться такія событія; могли такъ рѣзко и отчетливо высказаться характеры и горячаго, честолюбиваго Соффолька, и благороднаго Гемфрея, герцога Глостера, и кроваваго Клифорда, и іезуитски-завистливаго кардинала Бофорта, и благороднаго, воинственнаго Тальбота, и "французской волчицы", королевы Маргариты. И какъ выдержаны всѣ эти характеры! Какъ хорошо рисуется напр. сынъ герцога Іорка, этотъ горбунъ съ "ворчливымъ голосомъ", про котораго отецъ говоритъ:

*Мой Ричардъ! трижды прорубалъ
ко мнѣ
Онъ улицу и трижды онъ кричалъ:
«Смѣлѣй, отецъ! Пусть мечъ
рѣшаетъ дѣло!»*

и далѣе:

...Когда шатались
Ряды смѣлѣйшихъ, Ричардъ мой
кричалъ:
«Ломи! не уступай врагу ни пяди!»

этотъ горбунъ, который постоитъ за себя и
будетъ современемъ королемъ Ричардомъ III-
мъ.

Это уже чисто шекспировская черта, по-
нять судьбу времени и на ней основать дра-
му. А г. Гервинусъ огромное впечатлѣніе этой
великой трилогіи объясняетъ тѣмъ, что въ
ней есть *правосудное возмездіе* каждому по
дѣламъ его; но прибавляетъ, что даже это
юридическое возмездіе, «которое кажется
столь поэтическимъ и строй-
но-распредѣленнымъ, просто заимствованнымъ
изъ хроники». О, моралисты, полагающіе,
что природѣ нѣтъ инаго дѣла, какъ наказы-
вать порокъ и возвышать добродѣтели, да по-
стоянно читать, подобно нѣмецкому пастору,
нравоученія!

И какіе натяжки дѣлаетъ почтенный про-
фесоръ, чтобъ вытащить за уши эту, по его
мнѣнію, глубокомысленную мораль. А судьба
Глостера, а судьба Ричарда? Или послѣдній

получаетъ достойную мзду въ послѣдствіи?
"Ричардъ палъ – урокъ тиранамъ", какъ гово-
ритъ современный поэтъ.

Отъ этого главнаго недоразумѣнія проис-
ходятъ и всѣ другія ошибки почтеннаго
нѣмецкаго ученаго. Такъ, онъ осуждаетъ
Шекспира за то, что онъ "подобно хроникѣ,
выводитъ рядъ сценъ, которыя (какъ напр.
анекдотъ объ оружейникѣ и хромомъ Симп-
коксѣ) находятся въ весьма слабой связи съ
великимъ ходомъ цѣлаго". Именно, этотъ
анекдотъ и необходимъ въ исторической
трагедіи; онъ чрезвычайно характеризуетъ
время; онъ перестаетъ быть анекдотомъ по-
тому что въ немъ дѣйствуютъ живыя лица. И
какъ славно обрисовывается въ немъ про-
стой и дѣльный взглядъ на вещи Гемфрея,
герцога Глостера.

Г. Гервинусъ говоритъ, что много
матеріаловъ дала Шекспиру хроника, что онъ
буквально выписываетъ иногда изъ хроники,
что "высокое, привлекательное въ этихъ
піесахъ есть именно – ихъ содержаніе".

Право, никакъ не угодишь на людей: мис-
сисъ Ленноксъ находитъ "что этотъ поэтъ

измѣняетъ историческую истину", а г. Гервинусъ сердится, что онъ близко хроники держался. Да какъ же иначе? И что такое богатство матеріаловъ, возвышенное содержаніе? Чѣмъ больше матеріаловъ, чѣмъ возвышеннѣе сюжетъ, — тѣмъ труднѣе поэту совладать съ ними.

Стоить только прочесть у господина же Гервинуса, какіе *поправки* сдѣлалъ Шекспиръ (см. стр. 218–228) въ старыхъ піесахъ, служившихъ ему образцами, чтобы понять какъ самостоятеленъ этотъ заимствователь. Тутъ прибавляетъ монологъ, тутъ измѣнена сцена, тутъ прибавлено двѣ три черты, два три выраженія; иногда такое слово, что передъ нимъ останавливается въ изумленіи даже самъ г. Гервинусъ. К. П. Брюлловъ иногда *проходилъ* по картинамъ своихъ учениковъ, и выходила новая картина. А что выходило, когда проходилъ такой мастеръ, какъ Шекспиръ.

И все это сказано г. Гервинусомъ изъ желанія перехитрить Тика и Ульрици! Желаніе самое наивное! Какъ не знаетъ, что одна, двѣ черты измѣняютъ все дѣло; четырехъ стиховъ достаточно чтобы объяснить

внутреннее состояніе человѣка, чтобы изъ сухаго факта сдѣлать живое лицо. Вѣдь Шекспиръ заимствовалъ и у Плутарха! А вспомните напр. четыре или пять строчекъ, которые говоритъ поэтъ Цинна передъ встрѣчею съ разъяренною чернью, которая убьетъ его. Вѣдь это цѣлый міръ!

Вотъ онъ, эти строки:

*Мнѣ въ эту ночь приснилось, будто я
Пирую съ Цезаремъ. Воображеніе
Встревожено: я никакой охоты
Не чувствую за двери выходить,
Но что-то такъ меня и тянетъ
вонъ[6].*

Вотъ уже и живой человѣкъ передъ вами, съ своими убѣжденіями, съ своею предсмертною тоскою.

За тѣмъ, г. Гервинусъ недоволенъ чередованіемъ сценъ; такъ напр. онъ говоритъ: "Въ пятой сценѣ V акта (въ третьей части) убиваютъ принца валлійскаго, а въ слѣдующей сценѣ отецъ его ужъ знаетъ объ этомъ". Таково его придиричливое требованіе. Тамъ, гдѣ, какъ въ исторической трагедіи,

дѣйствіе должно переноситься быстро, иногда черезъ нѣсколько лѣтъ, — такая придирчивость смѣшна. Если такъ мелко понимать ходъ трагедіи, то много обвиненій падеть на Шекспира.

Мы уже говорили, что самая переменна названія трагедіи указываетъ на то, какъ неизмѣримо выше понималъ Шекспиръ сущность исторической трагедіи. Заимствователь, по признанію самого г. Гервинуса, "создалъ личность Генриха VI", — что другими словами значитъ — создалъ историческую трагедію, живое, органическое цѣлое. Отъ отношенія поэта къ этой личности зависятъ отношенія его къ другимъ; отъ этого зависитъ, что сцены кажушіеся г. Гервинусу анекдотическими въ сущности необходимы; все является въ новомъ, достодолжномъ свѣтѣ. Это значитъ, что онъ оживилъ бездушный скелетъ, одѣлъ его плотью и кровью, вдунулъ въ него "душу живую". Замѣчательно, что г. Гервинусъ понималъ это созданіе съ весьма филистерской точки зрѣнія; онъ говоритъ, "что слабость характера есть порокъ, это Шекспиръ указалъ въ личности Глостера и

еще подробнѣ развилъ въ Генрихъ VI", какъ будто Шекспиру и дѣла иного не было, какъ доказываетъ такія пасторскія сентенціи.

Въ заключеніе, и самъ Гервинусъ говоритъ, "что при сравненіи шекспировскихъ передѣлокъ двухъ послѣднихъ частей этой исторіи (о Генрихъ VI) приходится точно также сознаться, что въ нихъ *видѣнъ больше Шекспиръ, чѣмъ Марло и Гринъ*".

Изъ за чего же вы такъ горячились? Что за классификація по достоинству трагедій Шекспира? Шекспиръ вездѣ Шекспиръ. Пусть г. Гервинусъ игнорируетъ первую часть трагедіи о Генрихъ VI – тѣмъ не менѣе, мысль всей трилогіи ясна и въ ней, ясна изъ самой первой сцены, изъ плача вельможъ надъ трупомъ Генриха V и послѣдующаго появленія гонцовъ, приносящихъ скорбныя вѣсти. А Тальботъ и его сынъ! А явленіе Жанны д'Аркъ во французскомъ лагерѣ, а насмѣшки надъ нею англичанъ передъ ея казнію, а ссоры правителей государства? А во второй части незабвенный Джекъ Кэдъ и незабвенныя остроты надъ нимъ его пріятеля Дика, а смерть Кэда и вѣрнопопданный Александръ Айденъ, а нача-

ло третьей части? – Но перечисленіе не укажетъ всѣхъ красотъ подлинника.

Мы съ намѣреніемъ остановились такъ подробно надъ разборомъ г. Гервинуса трилогіи о Генрихѣ VI. Намъ кажется, что пора наконецъ оцѣнить по достоинству историческія трагедіи Шекспира, и думаемъ, что именно у насъ, русскихъ, съ нашей богатой исторіей (которую большинство нашей литературы игнорируетъ), широко разовьется историческая трагедія. У нѣмцевъ, какъ мы уже замѣтили, это дѣло не возможное, и кажется тоже нужно сказать и о французахъ, – доказательство, что величайшій поэтъ Франціи, Викторъ Гюго, въ своей книгѣ о Шекспирѣ почти ни слова не говоритъ объ его историческихъ драмахъ; по крайней мѣрѣ, нѣтъ ни одного теплаго, душевнаго слова.

Во вторыхъ, намъ до крайности странно мнѣніе тѣхъ критиковъ, которые полагаютъ, что собственно одинъ "Ричардъ III" есть чисто шекспировская трагедія. Какое непониманіе сущности исторической трагедіи! Какое непониманіе въ этомъ случаѣ

Шекспира! Конечно, "Ричардъ III", по своему строенію, ближе напр. къ Макбету, чѣмъ другія драматическія хроники Шекспира, но это потому, что демонически-могучая личность Ричарда III-го слишкомъ затѣмняетъ другія; всѣ они, даже юношески благородный, но за то и юношески слабый Ричмондъ, блѣднѣютъ передъ этимъ горбуномъ, съ "ворчливымъ голосомъ". Дѣло въ томъ, что характеръ и зависящая отъ него судьба Ричарда III и его времени, — въ этомъ случаѣ совершенно иная, — а у Шекспира планъ трагедіи всегда находится въ строгомъ соотвѣтствіи съ судьбою трагедіи.

У г. Гервинуса такое кавалерское отношеніе къ трилогіи о Генрихѣ VI тѣмъ болѣе странно, что онъ съ необыкновеннымъ стараніемъ указываетъ на шекспировскія черты въ такихъ слабыхъ піесахъ, какъ "Титъ Андроникъ" и "Перикль"; что онъ подробно разбираетъ "Комедію ошибокъ" и съ собственнымъ уваженіемъ отзывается о ней, хотя правду сказать, эта комедія построена на чисто внѣшней интригѣ, на случайномъ сходствѣ двухъ братьевъ близнецовъ; что

многія сцены ея также устарѣли, какъ напр. конецъ мольеровскаго "Скупого".

Мы опускаемъ многія другія несообразности, замѣченныя нами у г. Гервинуса, какъ напр. причисленіе "наипрекраснѣйшей и пречалостной трагедіи о Ромео и Джульетѣ" къ числу эротическихъ піесъ, и остановимся на одномъ весьма важномъ вопросѣ. Именно нѣкоторыя положенія являются у Шекспира какъ бы искусственно выраженными. Таковыя напр. споръ между Тальботомъ-отцомъ и Тальботомъ-сыномъ, рассказъ Тирреля о томъ, какъ онъ убилъ дѣтей Эдуарда IV, слова Макбета о томъ, какъ онъ зарѣзалъ сонъ. Всѣ подобныя положенія, по самой сущности своей, не могутъ быть выражены иначе. Разберемъ два послѣднія, извѣстныя по переводамъ рускимъ читателямъ. Тиррель подробно и необыкновенно картинно, даже поэтично, рассказываетъ, какъ спали обнявши другъ друга дѣти Эдуарда, малѣйшее ихъ движеніе. Если мы посмотримъ на это съ внѣшней точки зрѣнія, то сейчасъ явится вопросъ: могъ ли убійца рассказывать такъ; но Шекспиромъ дѣло взято гораздо глубже.

Передъ Тиррелемъ неотразимо стоялъ образъ этихъ двухъ малютокъ, онъ съ ужасающими подробностями помнилъ все это страшное дѣло, оно горѣло въ его душѣ; это-то напряженное состояніе души, это подавляющее воспоминаніе, изгладившее всѣ другія воспоминанія и впечатлѣнія и служитъ мотивомъ его разсказа; оттого-то разсказъ и производитъ такое ужасающее впечатлѣніе.

Макбетъ, убивъ Дункана, слышалъ какой-то голосъ;

*...на весь домъ кричалъ онъ:
"Не спите! Гламисъ сонъ
зарѣзалъ; впредь
Не спать ужъ Кавдору, не спать
Макбету[7].*

Эта «странная фигура» повидимому ничего не выражаетъ; иной ее, пожалуй, назоветъ риторической. Но вспомните отношенія Макбета къ доброму старому королю Дункану, его былыя вѣрноподданническія чувства; все это стукнуло ему въ голову послѣ убійства; онъ, онъ убилъ короля своего благодѣтеля, по чьей милости онъ сталъ таномъ Гламиса и Кавдора! О, какое ужасное, кровавое дѣло! Не спать

человѣку, совершившему его; не спать тому, кто убилъ Дункана. Кто жъ онъ? Онъ Кавдоръ и Гламисъ, по милости имъ же убитаго короля. Не спать больше Кавдору; Гламисъ зарѣзаль сонъ! Но онъ и Макбетъ, въ душѣ котораго много кровавыхъ замысловъ; передъ будущими злодѣйствами котораго дѣтски-невинны злодѣйства Кавдора и Гламиса, и потому – не спать Макбету!

Можно ли такъ болѣе сжато и кратче выразить эту душевную сумятицу, этотъ звонъ въ ухахъ, этотъ голосъ совѣсти, кричащей на весь домъ: "Гламисъ зарѣзаль сонъ."

Можетъ быть, иной читатель, прочтя намъ разборъ книги г. Гервинуса, усумнится въ томъ: стоило ли ее переводить? О, безъ сомнѣнія стоило. Запутанность основныхъ возрѣній г. Гервинуса нисколько не помѣшала ему прекрасно выяснить нѣкоторыя частности, объ одной изъ которыхъ мы уже упоминали. Читатель, кромѣ того, найдетъ много прекрасныхъ подробностей (мы говоримъ теперь только о вышедшемъ порусски томѣ) о состояніи сцены шекспировское время, весьма тонкія замѣчанія о томъ,

какъ слѣдуетъ играть комедію, о томъ, какъ молодой веронскій дворянинъ Петрукіо укротилъ "злючку" Катерину (Taming of the shrew) и т. д.

Переводъ г. Тимофеева вообще очень удовлетворителенъ; жалъ только, что онъ не посоветовался съ кѣмъ нибудь изъ знающихъ англійскій языкъ. Тогда бы у него Робинъ Добрый-Малый такъ и назывался, а не Робиномъ Гудфеллоу, и ткачъ Основа (Bottom) не носилъ бы нѣмецкаго прозвища Цеттеля. Но еще не простительнѣе, не зная подлинника, переводить цѣлую сцену изъ "Сна въ лѣтнюю ночь", тѣмъ болѣе, что эту сцену можно было бы взять изъ оригинальнаго по пріему, но вѣрнаго по духу (и даже буквально вѣрнаго) перевода г. Ап. Григорьева. Или г. Тимофеевъ испугался подобно одному критику, что переводъ г. Григорьева сдѣланъ слишкомъ *порусски*, но вѣдь чисто порусски и хорошими стихами (а стиховъ г. Тимофеева нельзя читать вслухъ) и надо переводить Шекспира. «Любовь въ бездѣйствіи» порусски ничего не значитъ. «Love-inidleness» можно и должно перевести въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «приворотной

травой», а въ другихъ назвать этотъ цвѣтокъ «любовью отъ бездѣля» или «отъ нечего дѣлать». Предлогъ «in» очевидно смутилъ г. Тимофеева. Цѣна чудовищная: выпускъ въ 5 листовъ 50 коп. Положимъ, что изданіе довольно опрятно, но вѣдь это переводъ, а не оригинальное сочиненіе.

Вообще, намъ не слѣдуетъ забывать того, что говорили русскіе люди о Шекспирѣ, и искать "правды у нѣмцевъ". Предисловія Дружинина къ королю Лиру и Ричарду III, и Ап. Григорьева къ "Сну въ лѣтнюю ночь" гораздо глубже разборовъ этихъ піесъ г. Гервинуса. Замѣчу мимоходомъ, что "Троила и Крессиду" лучше можно объяснить пользуясь приемомъ Ап. Григорьева при объясненіи "Сна въ лѣтнюю ночь", чѣмъ назвавъ ее пародіей Гомера. Точно также и "Тимонъ Аѳинскій" весьма понятенъ, какъ анекдотическая личность, изображенная англійскимъ поэтомъ.

Для уразумѣнія что за человекъ былъ Шекспиръ, человекъ, посланный для того, чтобы сказать, какъ жили и дѣйствовали люди въ средніе вѣка, небольшая статья Карляйля, превосходно переведенная г. Боткинымъ

(Современникъ, 1856 г.) лучше, чѣмъ много-
томный трудъ г. Гервинуса.

Въ заключеніе этой главы, считаемъ не
лишнимъ хотя нѣсколько познакомить чита-
телей съ трагедіей о Генрихѣ VI. Вотъ одна
сцена въ нашемъ сильномъ переводѣ. Она
понятна безъ всякихъ предварительныхъ
объясненій.

ЧАСТЬ III. АКТЪ I. СЦЕНА IV.

Равнина близъ замка Сэндэль.

Тревога. Входитъ Йоркъ.

*За королевою[8] осталось поле;
Меня спасая, оба дяди пали;
И всѣ мои предъ пылками врага-
ми,
Тылъ показали и бѣгутъ,
Бѣгутъ, какъ передъ вѣтромъ ко-
рабли,
Бѣгутъ, какъ отъ волковъ голод-
ныхъ стадо!
А сыновья! – что съ ними – знаетъ
Богъ,
Яжъ знаю только, что они руби-
лись,
Какъ тѣ, которыхъ жизнь, иль*

смерть прославитъ.

Мой Ричардъ – трижды прорубалъ
ко мнѣ

Онъ улицу, и трижды онъ кри-
чалъ:

«Смѣлѣй, отецъ! пусть мечъ
рѣшаетъ дѣло!»

И всякій разъ, какъ подходилъ ко
мнѣ

Мой Эдуардъ – былъ красенъ мечъ
его.

Покрываетъ до рукояти кровью
тѣхъ,

Кто съ нимъ встрѣчался. И когда
шатались

Ряды сильнѣйшихъ, Ричардъ мой
кричалъ:

«Ломи! не уступай врагу ни пяди!»

Кричалъ: "Корона, или славный гр-
объ!

Держава, или миръ въ сырой
землѣ!"

И мы ломились вновь, и вновь –
увы!

Насъ отбивали. Такъ видѣлъ я од-
нажды,

Какъ лебедь съ бесполезною отва-
гой

Противъ прилива плылъ, и тра-
тилъ силу
Въ борьбѣ съ сильнѣйшими, чѣмъ
онъ, волнами.
(Тревога).

А, вотъ она, погоня роковая!
А я такъ слабъ, и не могу бѣжать
Отъ ярости враговъ, – но будь я и
силенъ,
Ихъ ярости мнѣ все не избѣжать!
Умножились пески – и жизнь за-
сыплетъ.
Останусь здѣсь, и здѣсь же я умру.

Входятъ: королева Маргарита, Клифф-
фордъ, Нортумберландъ и солдаты.

Сюда, сюда, кровавый Клифффордъ!
Грубый
Нортумберландъ, сюда! Я вашу
ярость
Неутолимую – сильнѣе раскалю.
Я ваша цѣль, и жду ударовъ ва-
шихъ.

Плантагенетъ! проси, гордецъ,
пощады!

Пощады – той, какую даровалъ

Онъ моему отцу, рукой жестокой
Ударивши на отмашь. – Фаэтонъ
Теперь свалился съ колесницы: для
тебя
Сегодня ночь настанетъ въ са-
мый полдень.

Изъ пепла моего возникнетъ фе-
никсъ;
Онъ всѣмъ вамъ отомститъ. Въ
такой надеждѣ
Я очи подымаю къ небу; чѣмъ-бы
Меня ни оскорбили вы – смѣюсь.
Ну, что-же вы? Васъ много, – и бо-
итесь?

Такъ трусы говорятъ, когда
бѣжатъ
Нельзя; такъ когти голуби клю-
ютъ
У сокола, и такъ, попавшись, воры,
Страшась за жизнь, ругаютъ по-
лицейскихъ.

О, Клиффордъ! Вспомни жизнь
мою и въ мысляхъ
Ты пробѣги мое бывшее время,
И если можешь безъ стыда,

смотри
Въ лицо мнѣ прямо; искусай язы-
къ,
Который въ трусости того поро-
чить,
Чей видъ одинъ донинѣ заставля-
лъ
Тебя блѣднѣть и обращаться въ
бѣгство.

Я на словахъ съ тобой не стану
грызться;
Ударами считаться я готовъ,
И дважды два – на каждый твой
ударъ.

О, храбрый Клиффордъ! подожди.
Хочу,
По тысячѣ причинъ, еще продол-
жить
Я жизнь измѣнника. Онъ глухъ
отъ гнѣва!
Проси его, проси, Нортумбер-
лэндъ!

Постой-же, Клиффордъ! Что за
честь тебѣ
Свой палецъ уколоть, когда ты

можешь
Все сердце изъязвить ему. Скажи,
Какая доблесть всунуть руку въ
пасть,
Когда собака скалитъ зубы, если
Ее ты можешь отпихнуть но-
гою?
Всѣ выгоды на нашей сторонѣ,
И можемъ мы, по правиламъ вой-
ны,
Воспользоваться ими; и готовъ
Держать я десять противъ одно-
го,
Что въ этомъ нѣтъ безчестья ни-
какого.
(Они накладываютъ руки на Йор-
ка; тотъ отбивается).

Ай, ай! Такъ вальдшнепъ бьется въ
западнѣ.

Такъ кроликъ порывается изъ
сѣти.
(Йоркъ взятъ въ плѣнъ).

Такъ воры торжествуютъ надъ
добычей.
Такъ честные разбойникамъ сда-

ются,
Когда нѣтъ силъ отбиться.

Нортумберлэндъ королевѣ.

Что теперь
Угодно вашей милости съ нимъ
сдѣлать?

Вы, рыцари, Нортумберлэндъ и
Клиффордъ!
Взведите Йорка вонъ на этотъ
холмъ,
Что достигаетъ горъ своимъ от-
рогомъ,
Но отстоитъ на тѣнь его руки. —
Такъ это ты хотѣлъ быть коро-
лемъ
И бунтовалъ въ парламентъ у на-
съ?
Ты клялся, что на тронъ имѣешь
право?[9]
Гдѣ-жъ сыновья твои? Зачѣмъ те-
бя
Сегодня не явились поддержать?
Распутный Эдуаръ куда дѣвался?
Гдѣ дюжій твой Георгъ? и гдѣ
уродъ,
Гдѣ храбрый твой горбунъ, твой

Дикки[10]

Сынокъ, который поощрялъ папашу[11]

Своимъ ворчливымъ голосомъ на бунтъ?

И наконецъ, гдѣ твой любимецъ Рутландъ?

Вотъ, Йоркъ, смотри: платокъ. Я намочила

Его въ крови, которую извлекъ

Своею острой шпагой храбрый

Клиффордъ

Изъ груди твоего ребенка. Если

О немъ заплачешь ты, – платокъ продамъ.

Чтобъ могъ ты слезы утереть.

Ахъ, Йоркъ!

Тебя я ненавижу дотого,

Что о твоей судьбѣ вопить готова.

Ахъ, бѣдный Йоркъ! Развесели меня,

Порадуй-же своей печалью. Какъ?

Или сердечный пламень изсушилъ

Всю грудь твою и ты не въ силахъ

О смерти Рутланда слезинки проронить!

Зачѣмъ ты терпѣливъ? Ты этакъ

можешь

Сойти съ ума; и я, чтобы свести
Тебя съ ума, – вотъ такъ
смѣяться стану.

Тоскуй, безмолвствуй и ногами
топай,

Я стану предъ тобой плясать и
пѣть.

Тебя пожаловать, я вижу, надо
За то, что ты забавою мнѣ слу-
жишь!

Йоркъ говорить не станетъ до
тѣхъ поръ,

Пока не будетъ онъ носить коро-
ны.

Корону Йорку! – Лорды, преклони-
тесь!

Держите за руки его, пока

Я на него корону возложу.

(Надѣваетъ на Йорка бумажную
корону).

Онъ смотритъ настоящимъ ко-
ролемъ!

Взгляните, – это онъ, что захва-
тилъ престолъ!

Вѣдь это онъ, онъ Генриха
наслѣдникъ! —

Но какъ-же могъ Плантагенентъ

великій
Короноваться, измѣнивши
клятвѣ?
Я думала, онъ будетъ королемъ,
Когда пожметъ нашъ Генрихъ ру-
ку смерти?
И какъ, скажи, ты могъ свое чело
Украсить славой Генриха? Со-
рвать
Корону съ головы его при жизни?
Святую клятву какъ ты могъ на-
рушить?
Простить нельзя такого пре-
ступленья!
Долой съ него корону! и съ коро-
ной
И голову долой! Покончимъ съ ни-
мъ,
Пока мы дышимъ.

Предоставьте мнѣ:
Онъ моего отца убилъ.

Постой,
Послушаемъ, какъ онъ молиться
станетъ!

Французская волчица! Ты

свирѣпѣй,
Чѣмъ волки Франціи. О, ядовитѣй
Зубовъ гадюки твой языкъ! Сты-
дись!
Какъ неприлично женщинѣ, ней-
детъ
Торжествовать, какъ амазонской
дѣвкѣ,
Надѣ тѣмъ, кто случаемъ попал-
ся въ плѣнъ.
Твое лицо, какъ маска, неподвиж-
но;
Ты сдѣлалась безстыжей, короле-
ва,
Отъ частыхъ преступленій. Я те-
бя
Попробую заставить покраснѣть.
Я расскажу откуда родомъ ты,
Я родословную твою раскрою, —
Довольно въ ней стыда, чтобы за-
ставить,
Будь ты совсѣмъ безстыжей,
устыдиться.
Хоть твой отецъ и носитъ ти-
туль,
Хоть онъ король Неаполя, обѣихъ
Сицилій и король Ерусалимскій,
Но бѣдный онъ чѣмъ нашъ поселя-

нинъ.

Должно быть, этотъ нищій на-
училъ

Тебя ругаться? Гордой королевѣ
Ругательства нейдутъ, не нуж-
ны! Или

Ты хочешь доказать, какъ спра-
ведлива

Пословица, что посади верхомъ
Оборванца – и онъ коня загонитъ?
Своей красою женщины гордятся,
Но знаетъ Богъ, что тутъ ты ни
при чемъ.

Ихъ добродѣтели дивятся люди,
А ты противнымъ удивляешь
всѣхъ.

Они божественны, коль правятъ
царствомъ,

А ты – такъ отвратительна безъ
власти!

Ты такъ противна всякому добру,
Какъ антиподы намъ, какъ сѣверъ
югу.

Въ твоей груди должно быть
сердце тигра!

Какъ ты могла въ живительной
крови

Ребенка омочить платокъ, и

дать
Его отцу, чтобъ имъ отеръ онъ
слезы?
И ты еще все женщиной оста-
лась?
О, женщины такъ кротки, такъ
добры,
Такъ полны состраданья, такъ
подвижны.
А ты груба, сурова, какъ камень,
Безжалостна, ничѣмъ неумоли-
ма.
Ты хочешь ярости – на, вотъ она!
Ты хочешь слезъ моихъ – я плачу!
Свирѣпый вѣтеръ нагоняетъ ли-
вень,
Утихнетъ ярость, – и польется
дождь.
О миломъ Рутландѣ теперь я
плачу
И каждая моя слеза кричитъ
О мщениі противъ тебя, лукавой,
А также и тебя, о подлый Клиф-
фордъ!

Меня вы можете проклясть, но я
Едва, едва удерживаю слезы.

Йоркъ, показывая на него.

Его лицо голодный канибалъ
Не могъ-бы тронуть, кровью за-
пятнать! —
О, вы безчеловѣчнѣй, вы свирѣпѣй,
Вы злѣе въ десять разъ гиркан-
скихъ тигровъ.
Смотри, свирѣпая, какъ горько
плачетъ
Отецъ несчастный. Намочила ты
Платокъ въ крови любимаго
мной сына,
И я слезами смылъ всю кровь его.
Возьми платокъ, ступай и хва-
стай всюду.
Когда ты правильно расскажешь
повѣсть
О томъ, какъ мучила меня, — кля-
нись,
Моей душой клянуся, — всѣ пла-
чутъ,
Кто будетъ слушать. Да, мои вра-
ги
И тѣ заплачутъ крупными слеза-
ми
И скажутъ: «страшное то было
дѣло!»
Жестокосердый Клифффордъ, уби-
вай скорѣй.

Душа на небо, кровь моя – на васъ.

*Когда-бы всѣхъ моихъ родныхъ
убилъ онъ.*

*То и тогда я могъ-бы только пла-
кать,
Да, плакать вмѣстѣ съ нимъ; я ви-
жу,
Какъ тайно грусть его терзаетъ
душу!*

*Милордъ Нортумберлэндъ! какой
ты плакса!*

*Припомни, сколько зла онъ
сдѣлалъ намъ,
И вмигъ осушатся твои всѣ слезы.*

*За смерть отца! Я клятву испол-
няю!
(Колеть его)*

*За право мягкосердаго супруга!
(Колеть его)*

*Прими меня, о милосердный Бо-
же!
Моя душа изъ ранъ къ тебѣ ле-
титъ.*

(Умираетъ)

*Снять голову и на ворота Йорка!
Пусть Йоркъ любуется на городъ
Йоркъ.*

Маршъ. Ехеunt.

II. Шекспировское торжество въ Петербургъ [12].

Et tu quoque!

Еt tu quoque! И ты, Брутъ! И мы туда же! Намъ нельзя было отстать отъ просвѣщенной Европы! Безъ насъ вода не освятится.

Въ самомъ дѣлѣ, отчего и не отпраздновать трехсотлѣтній со дня рожденія юбилей Шекспира? Надо было только распорядиться такъ, чтобы торжество это не происходило въ пустой залѣ. Неудавшееся торжество хуже, чѣмъ еслибъ его совсѣмъ не было. Безъ сомнѣнія, украшеніемъ и настоящимъ дѣломъ этого торжества было чтеніе сценъ изъ ненапечатаннаго еще перевода трагедіи о "Королѣ Джонѣ" покойнаго А. В. Дружинина. Но одна ласточка весны не дѣлаетъ, говоря на иностранно-русскомъ языкѣ.

Но затѣмъ?

Затѣмъ излагались мнѣнія нашихъ знаменитостей, литературныхъ и учоныхъ, о всемірномъ значеніи "всепрощающаго" сердцеви́дца вообще и о значеніи его въ

Россіи въ особенности. Чего же еще больше?

Если къ этому прибавимъ тѣ нравоученія, которыя одинъ современный поэтъ вывелъ изъ трагедій Шекспира, — то кажется, дальнѣйшія требованія должны показаться противуестественными.

Да, позабылъ, еще музыка была. Торжество, словомъ, на славу.

Одного ему не доставало, малаго — самостоятельности. Намъ кажется, точно оно составлено по г. Гервинусу. То же холодное почтеніе, то же отсутствіе задушевности, тѣ же нравоученія.

Вотъ почему, несмотря на нашъ глубочайшій патріотизмъ, мы дали г. Гервинусу первое мѣсто въ нашей статьѣ. Къ г. Гервинусу мы отнеслись критически, слѣдуя мудрому правилу Кузьмы Пруткова: "смотри въ корень", — о нашихъ же соотечественникахъ намъ остается только повѣствовать. Разбирать ихъ нечего, потомучто своего, русскаго, они не сказали ничего; въ качествѣ цивилизованныхъ европейцевъ, состоящихъ подъ наитіемъ нѣмецкой мысли, они перевели нѣмецкія мысли на quasi-русскій языкъ, и

вотъ вамъ петербургское слово о Шекспирѣ!
Никакого одушевленія!

Полно такъ ли важенъ Шекспиръ для русской земли, какъ объ этомъ повѣствоваль, съ академическою важностью, г. Галаховъ?

Полно точно-ли Шекспиръ "намъ близокъ и родствененъ" и "мы можемъ съ чувствомъ справедливой гордости смотрѣть на того Шекспира, который является у французовъ, подвергаясь превратнымъ толкованіямъ и унижительнымъ сравненіямъ?"

Полно точно-ли "наше участіе въ праздникѣ не есть игра легкомысленнаго тщеславія и пустой подражательности, а ясное представленіе дѣла, живо сознаваемого каждымъ образованнымъ русскимъ?"

Если судить по статьѣ г. Галахова, то нѣтъ. Почтенный историкъ русской литературы не сказалъ ничего, чтобы хотя нѣсколько оправдывало его гордыя надежды. Его рѣчь "Шекспиръ въ Россіи"[13] вѣрнѣе можно назвать «формулярнымъ спискомъ о служебной дѣятельности Шекспира въ Россіи». Жизни, жизни нѣтъ въ рѣчи почтеннаго академика, той жизни, которая ключомъ кипѣла въ вели-

комъ-русскомъ человекѣ, «отъ кого можно было отставить академію, но не его отъ академіи».

Что новаго повѣдалъ намъ знатокъ отечественной литературы? То, что Сумароковъ вставилъ монологъ Ричарда III въ уста своего Дмитрія Самозванца? Или то, что кто-то другой написалъ "безъ сохраненія обыкновенныхъ правилъ" двѣ піесы въ 1786 г. "Историческое представленіе изъ жизни Рюрика" и "Начальное управленіе Олега"? Это Шекспиръ въ Россіи.

Или важно въ рѣчи ученаго академика то мѣсто, гдѣ онъ повѣствуетъ, что Полевой перевелъ Гамлета, а Мочаловъ былъ геніальный актеръ? Что Бѣлинскій писалъ о Шекспирѣ? Или что Тургеневъ написалъ "Гамлета Щигровскаго уѣзда", и изображая его, "не выпускалъ изъ мысли образъ" настоящаго, заправскаго Гамлета?

Или можно-ли такъ рассуждать по поводу упомянутой повѣсти г. Тургенева: "дѣйствующее лицо помянутаго разсказа смотритъ на себя съ презрѣніемъ: но развѣ и Гамлетъ Шекспира не называетъ себя

презрѣннымъ, ничтожнымъ созданиемъ?" Мало-ли кто ругаетъ себя всяческими словами, – ужь будто онъ и Гамлетъ сейчасъ. Или дальѣ: "онъ (Гамлетъ) постоянно казнить себя за нерѣшительность и сомнѣнія: то же дѣлають съ собою и герои слабоволія, выведенные Тургеневымъ." Гамлетъ – герой слабоволія! какъ это ново и оригинально! Кто не повторяль этого избитаго выраженія?

Или достаточно сказать, что "Шекспировъ геній былъ родственъ духу нашего Пушкина, и потому легко ему сочувственъ?"

Какъ это старо! Какъ это давно окаменѣло въ нашей литературѣ! Та жизнь, которая скрывалась подъ этими словами, давно выдохлась: и бездушный трупъ этой жизни всякій спѣшитъ (хотя маленькій кусочекъ этого трупа) закупорить въ свою баночку со спиртомъ!

Быть можетъ, намъ скажутъ, что объемъ статьи воспрепятствовалъ г. Галахову, что иначе статья вышла бы утомительно-длинна. Она и безъ того утомительно-длинна!

Вотъ вамъ живое явленіе – переводъ Полеваго и игра Мочалова. Вѣдь это совершилось

на глазахъ г. Галахова; вѣдь это былъ Шекспиръ, живьемъ проникающій въ русскую жизнь. И объ этомъ ни слова.

Велика заслуга Полеваго, по знакомству насъ съ Шекспиромъ, также какъ велика заслуга Мочалова, – вѣдь они заставили любить Шекспира, они заставили биться рускія сердца отъ великаго слова поэта! И свидѣтель этого, самымъ сухимъ образомъ, въ самыхъ избитыхъ выраженіяхъ повѣствуетъ о томъ, "какъ театръ наводнялся слезами,

И вопли раздирали слухъ собранья!

Поди прочь, несносная жизнь! что намъ, людямъ ученымъ, за дѣло до тебя! Мы изучаемъ; мы кропотливо, какъ Плюшкинъ, всякую дрянъ, собираемъ всякіе факты; – живое дыханіе претитъ намъ, какъ Ризположенскому шампанское!

Лучше мы сообщимъ русской публикѣ, что Вронченко прекрасно перевелъ "Гамлета," а г. Катковъ "Ромео и Джульету" (оба перевода по времени образцовые, дѣйствительно), ей это, конечно, интереснѣе. Она этого не знала.

Такъ отнесся къ Шекспиру нашъ масти-
тый учоный. Посмотримъ теперь на литера-
торовъ.

Г. Тургеневъ написалъ рѣчь о Шекспирѣ,
тотъ самый г. Тургеневъ, который нѣкогда та-
къ унизилъ Гамлета и такъ возвысилъ Донъ
Кихота.

Если отъ г. Галахова мы, собственно гово-
ря, и не должны были ожидать ничего осо-
беннаго, кромѣ мелочныхъ фактовъ и водя-
нистыхъ разсужденій, — то, напротивъ, отъ г.
Тургенева вправѣ были ждаты задушевнаго
слова.

*Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь,*

какъ чувствительно распѣвали наши ба-
бушки во дни своей юности.

"Le talent oblige", — это должно быть
извѣстно г. Тургеневу; онъ по праву считается
однимъ изъ лучшихъ представителей нашей
современной литературы. И что-же сдѣлалъ г.
Тургеневъ? Онъ написалъ, словно по обязан-
ности, "возьмите моль, впрочемъ только от-
вяжитесь", свою рѣчь, нелишенную казенна-

го краснорѣчія и водянистыхъ разсужденій.

«Безъ преувеличенія можно сказать», говоритъ ораторъ, "что нынѣшній день празднуется, или поминается во всѣхъ концахъ земли. Въ отдаленнѣйшихъ краяхъ Америки, Австраліи, Южной Африки, въ дебряхъ Сибири, на берегу священныхъ рѣкъ Индостана, съ любовію и признательностью произносится имя Шекспира, также какъ и по всей Европѣ. Оно произносится въ чертогахъ и въ хижинахъ, свѣтлыхъ покояхъ богачей и въ тѣсныхъ *рыбачьихъ комнатахъ*, въ отдаленіи отъ роднаго края и близь домашняго очага, подъ воинской палаткой и подъ шалашомъ промышленника, на сушѣ и на морѣ, старыми и молодыми, семейными и одинокими, счастливыми, которыхъ оно радуетъ, и несчастными, которыхъ утѣшаетъ.....

Господи! цѣлое море реторики и какъ оно искусно прерывается многозначительнымъ многоточіемъ. Отчего это реторика такъ однообразна, вѣчно повторяетъ однѣ и тѣ же избитыя фразы? Или уже такова участь всѣхъ

похвальныхъ словъ? Возьмите напр. «Историческое похвальное слово Карамзину», произнесенное 23 августа, 1845 г., въ Симбирскѣ, въ собраніи симбирскаго дворянства, академикомъ М. Погодинымъ, – и тамъ на стр. 6 вы встрѣтите и дворцы и хижины, и вельможъ и отшельниковъ, юношей и старцевъ, дѣвъ и матерей семействъ, безусловныхъ вѣрноподданныхъ вѣковъ прежнихъ и свободныхъ мыслителей новаго времени. И тамъ есть выраженіе *sedant arma togae*, разведенное водицей.

И только это могъ сказать Тургеневъ о Шекспирѣ? "Пусть-же сатана одѣнется въ черное, а я стану носить соболью шубу!" [14]. Если только это могъ сказать г. Тургеневъ, – то лучше-бы вовсе ничего не говорить. Если онъ можетъ сказать больше, но въ данную минуту не высказывалось это большее, то ему-бы тоже вовсе не слѣдовало говорить. И ты, Брутъ! *Et tu quoque!*

Все повторяютъ однѣ и тѣ же фразы, и потомъ печатать ихъ, – какъ не надоѣсть это, какъ это не намозолить глаза наборщикамъ! "И въ хижинахъ, и въ чертогахъ", – не лучше-ли

было-бы сказать "у кого сюртукъ въ 60 рублей и у кого пальтишко въ 5 цѣлковыхъ, "кто куритъ гаванскія и кто куритъ грошовыя сигары"? это оригинальнѣе было-бы.

За только что выписаннымъ нами мѣстомъ, черезъ нѣсколько строкъ, слѣдуетъ другое: нѣсколько фразъ, начинающихся нарѣчіемъ "сколько"! Сколько именно этихъ фразъ, счесть мудрено.

Такъ привѣтствовала трехсотлѣтнюю годовщину наша литература.

Наша поэзія вывела изъ Шекспира нѣсколько нравоученій. Я замѣтилъ наизусть нѣкоторыя изъ нихъ:

*Но Датскій Принцъ погибъ –
пусть наше поколѣнье*

*Не долго думаетъ, что «быть или
не быть».*

*Но черный Мавръ погибъ, – да бу-
детъ подозрѣнье*

Намъ чуждо!

Почему наше поколѣнье не должно думать, потомучто Датскій Принцъ погибъ, и почему намъ должно быть чуждо подозрѣнье на томъ основаніи, что погибъ Отелло, –

предоставляю рѣшить людямъ болѣе ученымъ и цивилизованнымъ. Не нашему носу рябину клевать, и мы можемъ только сказать то же, что отвѣчалъ Гамлетъ на подобныя заключенія камергера Полонія: «Одно изъ другаго не слѣдуетъ».

Почему не была играна на этомъ достопамятномъ торжествѣ увертюра Бетховена "Коріоланъ?" Вѣроятно, и тутъ безъ учености обошлось. Откопана была какая нибудь самоученнѣйшая и самоновѣйшая біографія Бетговена, гдѣ не мало нѣмецкаго мозга было потрачено на доказательство, что Коріоланъ Бетговена былъ игранъ въ первый разъ передъ какимъ-то другимъ "Коріоланомъ," только не шекспировкимъ. Не мѣшало-бы господамъ, по ученымъ книжкамъ рассуждающимъ, помнить, что *Шекспиръ* и *Плутархъ* составляли любимое ученіе Бетговена.

Театръ нашъ не участвовалъ въ шекспировскомъ торжествѣ. Избравъ благую часть, онъ предоставилъ эту честь одной литературѣ.

Кстати о театрѣ. Нѣсколько интересныхъ вопросовъ приходятъ намъ въ голову по слу-

чаю театральныхъ приличій. Почему милая, игривая Бьянка (въ Отелло) не смѣетъ явиться на сценѣ, приличія ради, – а вдова, весьма сомнительнаго поведенія фигурируетъ въ одной изъ оглобель (извѣстно изрѣченіе: это не комедія, а оглобля) г. Дьяченко? Почему также, тогоже приличія ради, вычеркнута на половину роль Любаши, самаго живаго и любезнаго лица въ "Царской Невѣстѣ" Мея, – а водивили съ канканами, двусмысленными куплетцами и тому подобнымъ приличны?

Что есть театральное приличіе?

А мы еще смѣемся надъ передѣлками Шекспира у его соотечественниковъ англичанъ, хотя и смолчали объ этомъ, когда и знаменитый африканскій трагикъ поставилъ "Лиру" въ Гарриковской передѣлкѣ, съ нелѣпой любовью Корделіи къ Эдгару Глостеру. Впрочемъ, Гаррикъ и не такія еще пули отливаль. Онъ заставлялъ Джульету просыпаться въ то время, когда Ромео еще живъ и занимается говореніемъ "забавныхъ" рѣчей, вмѣсто того, чтобы бѣжать за докторомъ.

Почему также "Ричардъ III" приличень на петербургской нѣмецкой сценѣ и неприли-

чень на петербургской русской сценѣ? Почему неприлична "Мѣра за Мѣру", содержаніе которой рассказано Пушкинымъ въ его Анджелио? Почему... но много книгъ пришлось-бы исписать этими почему, почему. – Генрихъ IV (первая часть его) неприлична, а прилична пошлая передѣлка Шаховскаго Фальстафа.

Но и хитрому Эдипу не разрѣшить этой загадки.

Дм. Аверкіевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Примечания

CM. Franz Baco von Verulam. Von Kuno Fischer.
Seite 193 et folg.

[^^^]

По переводу г. Михайловскаго. Переводъ этотъ, помѣщенный въ IV книгѣ Современника за нынѣшній годъ, вообще весьма удовлетворителенъ: на немъ замѣтно вліяніе дружининской манеры переводить Шекспира. Антоній удался г. Михайловскому лучше всѣхъ. Физіономіи и языкъ другихъ лицъ подведены подъ одинъ колоритъ, и это главнѣйшій недостатокъ перевода. Такъ, личность Каспи и его небрежная, медвѣжеватая, если такъ можно выразиться, рѣчь совершенно упущены г. Михайловскимъ. Мы замѣтили также нѣсколько плохихъ стиховъ и даже «съединены» вмѣсто «соединены» — это непростительно. Поэтъ долженъ быть мастеромъ своего стиха, а не наоборотъ. Это все равно, что не умѣя рисовать братья писать большую картину.

[^^^]

3

Не принадлежит ли Гервинусъ къ ярымъ защитникамъ женской эмансипаціи?

[^^^]

Гг. нигилистамъ, считающимъ себя послѣдователями Бэкона, не дурно бы принять это къ свѣдѣнію, а равно и то обстоятельство, что Бэконъ въ поэзіи видѣлъ нѣчто «божественное». Или ужь пора и Бэкона по боку? Невѣжество, такъ полное невѣжество!

[^^^]

У насъ на все необходима оговорка, а потому мы должны прибавить, что это сказано не въ осужденіе Шиллера. Не въ исторической драмѣ его сила, а въ благородномъ энтузіазмѣ, въ неустанномъ паѳосѣ. Никто не сомнѣвается, что Пушкинъ весьма уважалъ Байрона, но это уваженіе не попрепятствовало ему сказать правду о драматическихъ произведеніяхъ Байрона. Это выражено даже довольно рѣзко, именно: *Buiron, le tragique est masquin devant lui*, (т. е. Шекспиромъ).

[^^^]

6

По переводу г. Михайловскаго.

[^^^]

По переводу Вронченки. Странно, что Вронченко, глубокий знатокъ Шекспира, нашель, что эта рѣчь «странная фигура подлинника» и сохраниль ее не въ текстѣ, а единственно въ примѣчаніи.

[^^^]

Маргаритой, женой Генриха VI.

[^^^]

Йоркъ съ своими приверженцами (бѣлая роза на шляпахъ) ворвался въ парламентъ; онъ принудилъ короля (красная роза) признать себя его наслѣдникомъ, но взамѣнъ того поклялся, что дастъ Генриху VI доцарствовать спокойно. Королева Маргарита, неприсутствовавшая при этомъ, вступилась за права своего сына и выступила противъ Йорка. Йоркъ почиталъ себя разрѣшоннымъ отъ клятвы и началъ войну.

[^^^]

10

Уменьшительное отъ Ричарда.

[^^^]

Въ подлинникѣ ласкательное «the dad».

[^^^]

Одно изъ стихотвореній, читанныхъ на этомъ торжествѣ, именно А. Н. Майкова, извѣстно читателямъ «Эпохи», и потому о немъ не сказано въ этой главѣ ни слова.

[^^^]

Эта рѣчь, а равно и рѣчь г. Тургенева, читанная по отсутствію автора адъюнктомъ академіи наукъ г. Пекарскимъ, – напечатаны въ N 89 С. Петербургскихъ Вѣдомостей.

[^^^]

Слова Гамлета.

[^^^]